

ЙОЗЕФ
БРИНКЕ

ОКНО В КАМЕННЫЙ ВЕК

ЙОЗЕФ
БРИНКЕ

ОКНО В КАМЕННЫЙ ВЕК

(ПУТЕШЕСТВИЕ ГЕОГРАФА
С ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ НАУЧНОЙ
ЭКСПЕДИЦИЕЙ МОРАВСКОГО МУЗЕЯ
В АВСТРАЛИЮ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА 1975

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Летом 1970 года мне довелось побывать в Чехословакии, в городе Брно. Подходя к Моравскому музею, расположенному на большой рыночной площади в центре города, я увидел в стороне, недалеко от входа в музей, серо-зеленый грузовик-фургон со знакомым контуром пятого континента на борту и большой надписью по-английски: «Чехословацкая научная экспедиция в Австралию». Казалось, борта этого ветерана еще покрыты дорожной пылью далекого южного материка. Это была та самая «вэ-триэска», добрая наша знакомая, которая дважды пересекла Австралию и вот теперь вернулась на родину с бесценным грузом — материалами экспедиции. А в музее меня ждал его директор доктор Ян Елинек, чтобы любезно познакомить с этими материалами.

Обширные помещения музея были наполнены каменными орудиями, оружием, предметами кочевого быта первобытных охотников-австралийцев. Со стен глядела замечательная коллекция рисунков на эвкалиптовой коре, переносищая в святая святых души первобытного человека — его мифы, исторические предания, верования, запечатленные в художественных образах, его мир, каким он видит его, — одна из самых больших и ценных коллекций в Европе. Она теперь была открыта пытливым глазам ученых Чехословакии и других стран. Все это и многое другое свидетельствовало о том, что большая комплексная экспедиция чехословацких ученых в Австралию, продолжавшаяся более шести месяцев, прошла успешно. Помимо этнографических и археологических материалов, фотографий, кинофильмов и магнитофонных записей экспедиция привезла на родину мно-

жество сведений об одном из племен Северной Австралии — рембаранка, которое участники экспедиции исследовали всесторонне, интересуясь его прошлым и настоящим, его древней культурой и происходящими ныне переменами в его жизни. Экспедиция изучила несколько десятков древних стоянок на земле рембаранка, занималась физической антропологией и демографией, географией и зоологией. Трудно переоценить значение такого комплексного исследования, такого концентрированного внимания к одной этнической группе. Ведь всестороннее изучение одного племени, члены которого рассеяны теперь по городам и поселкам, резервациям, скотоводческим станциям и миссиям Северной Территории, способствует сравнительному изучению других этнических групп, оно показывает, как меняется жизнь всего коренного населения Австралии.

Но, пожалуй, самым замечательным итогом экспедиции было то, что ей удалось посетить древнюю племенную территорию рембаранка, землю их предков, где небольшая группа из двух десятков человек все еще вела традиционный образ жизни первобытных охотников и собирателей. Эти люди выделывали каменные орудия, на охоте и рыбной ловле пользовались копьями и острогами, рисовали на эвкалиптовой коре и на стенах пещер — древних святилищах племени. И доктор Елинек, известный антрополог и исследователь древнейшего, палеолитического прошлого Европы, с воодушевлением говорил мне о том, какое огромное значение для него как ученого имеет такое вот непосредственное знакомство с жизнью и трудовой деятельностью первобытных охотников, мастеров и художников, как это важно для каждого, кто изучает первобытное прошлое и настоящее человечества, видеть собственными глазами повседневную жизнь этих людей, видеть, как делают они свои орудия труда, как добывают пищу, как проводят досуг, как совершают обряды, самые священные из которых доступны лишь посвященным. «Наблюдения над жизнью первобытных охотников, непосредственный опыт соприкосновения с ними поможет мне в моих исследованиях жизни и культуры древнейших обитателей Европы», — сказал мне доктор Елинек. И с полным основанием писал осенью 1969 года Бюллетень Австралийского института по изучению аборигенов: «Нет сомнения, что экспедиция чехословацких ученых внесла значительный вклад в изучение коренного населения Австралии и его культуры, что результаты экспедиции и контакт ее с нашими аборигенами будут иметь первостепенное значение для антропологии, этнографии и первобытной истории Европы».

Условия жизни аборигенов Австралии меняются все больше

и больше, а вместе с ними меняются и они сами, все меньше остается и в Австралии, и в остальном мире племен, сохраняющих древний образ жизни первобытных охотников, и непосредственное знакомство с ними имеет поэтому неоценимое научное значение. Ведь оно поистине открывает перед современным человечеством, стремящимся проникнуть в тайны своего прошлого, «окно в каменный век». Образ этот глубоко содержателен. Совершенно прав И. Бринке, когда пишет на одной из страниц своей книги: «Изучая жизнь и культуру коренных австралийцев, мы одновременно изучаем и жизнь наших предков». Вот почему, несмотря на все, порою значительные, перемены в социально-политической и культурной жизни аборигенов Австралии, заглавие лежащей перед нами книги вполне оправданно — оно как бы говорит нам о самом важном итоге экспедиции.

В книге И. Бринке интересно все — и нью-йоркские впечатления автора, и его рассказ о Гавайских островах, и посещение Сингапура, ставшего независимым государством незадолго до этого, в 1965 году. Очень интересны главы, посвященные «белой» Австралии, ее городам, ее людям, природе страны. Эти главы книги имеют по-своему большой этнографический и географический интерес. Но, конечно, внимание читателя приковывают в первую очередь те страницы, где речь идет о коренных обитателях пятого континента. В советской научной литературе есть книги, посвященные этнографии коренного населения Австралии, его происхождению и истории*. Популярных книг о нем и в зарубежной литературе немного, но каждая вносит что-то свое, что-то новое**. Несет свое новое слово и книга И. Бринке.

При всех достоинствах этой книги в ней есть упущения и неточности. Так, в первой же главе автор пишет о том, что Австралия и Тасмания были заселены несколькими волнами пришельцев около 20—25 тысяч лет назад. Новейшие данные науки показывают, что заселение Австралии началось свыше 30 тысяч лет назад. Австралия была заселена раньше Америки, хотя и там и здесь люди появились сравнительно поздно — в эпоху последнего ледникового периода, когда Австралия была связана с Юго-Восточной Азией мостами суши. Предположение о про-

* Народы Австралии и Океании. М., 1956; В. Кабо. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.

** Например: У. Чеслинг. Среди кочевников Северной Австралии. М., 1961; Б. Даниельссон. Бумеранг. М., 1964; А. Маршалл. Мы такие же люди. М., 1965; Д. Локвуд. Я — абориген. М., 1971; Ф. Роуз. Аборигены, кенгуру и реактивные лайнеры. М., 1972.

исхождении австралийцев от нескольких волн пришельцев не-легко согласовать с фактами, свидетельствующими о единстве антропологического типа и культуры австралийцев. То же относится и к тасманийцам — они составляли с аборигенами Австралии одно целое, как и сама Тасмания составляла в то время одно целое с Австралией.

Следует уточнить и данные о современной численности аборигенов Австралии, приводимые автором. В настоящее время в Австралии насчитывается около 145 тысяч аборигенов и метисов, что при общей нынешней численности населения страны в 13 миллионов человек составляет лишь от 1 до 2 процентов. Но это не мешает тому, что положение коренного населения страны, необходимость решения его социальных проблем привлекает большое внимание всей Австралии.

«Три года назад коренные австралийцы получили одинаковые с белыми гражданские права, в том числе и избирательное право», — пишет Бринке. Читателю следует учесть, что первое, чешское издание книги относится к 1971 году. Автор не пишет о той борьбе, которую многие годы вела прогрессивная общественность Австралии совместно с общественными организациями ее коренного населения за предоставление ему гражданских прав, за гражданское равноправие, и о той борьбе, которую оно продолжает вести за устранение последних следов расовой дискриминации. Лишь в 1967 году, за два года до экспедиции чехословацких ученых, австралийские избиратели в ходе обща-встралийского референдума проголосовали за пересмотр тех статей федеральной конституции, которые ущемляли гражданские права аборигенов. Только теперь аборигены Австралии юридически стали равноправными гражданами страны, которую их предки заселили за тридцать с лишним тысяч лет до того, как на ее землю впервые ступила нога белого человека. И хотя аборигены юридически считаются теперь такими же гражданами, как и остальные австралийцы, прошлое еще не преодолено до конца. Это относится к условиям труда и заработной платы, это выражается в пренебрежении законными правами аборигенов на землю предков. Книге Бринке свойственна некоторая идеализация жизни аборигенов в правительственных поселениях, миссиях и на скотоводческих станциях. Возможно, это объясняется недостаточным знакомством с условиями жизни аборигенов. Автор книги словно мимоходом пишет о том, что работодателям приходится теперь оплачивать неквалифицированный труд аборигенов так же, как и труд белых рабочих, и они, по его словам, потеряли к нему интерес — что не относится, впрочем, к владельцам скотоводческих станций и овцеводческих

ферм. Жаль, что он ни словом не упоминает о событиях, которые предшествовали этому, о той борьбе, которую пришлось выдержать аборигенам-рабочим за то, чтобы получать равную плату за равный с белыми рабочими труд. А ведь эти события развернулись в тех самых местах, где побывала экспедиция, и лишь за два года до ее прибытия, в 1967 году, так что память о них здесь, на севере Австралии, еще свежа. Здесь была первая в истории Австралии забастовка аборигенов, работающих по найму на скотоводческих станциях Северной Территории, и ее возглавили лидеры общественного движения аборигенов, вышедшие из их же среды. Этим открылась новая страница в истории борьбы аборигенов за социальное и экономическое равенство. И борьба эта поддерживается теперь ведущими профсоюзами и другими общественными организациями всей Австралии.

И. Бринке пишет об алкоголизме среди аборигенов, но ничего не говорит о его причинах. А причины эти такие: деморализация, апатия, гнетущее ощущение безнадежности, не устраненное до конца теми сдвигами, которыми ознаменовано нынешнее общественное и политическое положение аборигенов.

«Аборигенов с высшим образованием ничтожная горсточка», — рассказывает директор школы в Бамьили. Из его слов складывается впечатление, будто аборигены сами не стремятся к образованию. И это — несмотря на явные способности аборигенов, особенно молодежи, несмотря на их тягу к знаниям, правильно отмеченные и автором нашей книги. «Они удивительно быстро схватывают и усваивают. Я знаю случай, когда 45-летний мужчина научился читать и писать всего за девять месяцев», — пишет он. Чем же объяснить «безразличие» аборигенов к образованию? Если это и так, то это объяснимо лишь чувством бесперспективности, пониманием того, что в современной Австралии на пути человека чуждой расы воздвигнут невидимый, но тем не менее реальный и остро ощущаемый им, все еще не разрушенный до конца барьер.

Экспедиция чехословацких ученых посетила одну из крупнейших в Австралии резерваций, расположенную на полуострове Арнемленд. Согласно австралийским законам, резервациями считаются населенные аборигенами местности, иногда обширные области, куда имеют допуск только правительственные служащие и лица, получившие специальное разрешение. В одних резервациях аборигены ведут еще традиционный образ жизни, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством, кочуя с места на место, в других представители разных племен («детрибализованные» аборигены) живут оседло, в поселках, работая

по найму и получая пособие от правительства и благотворительных организаций. И хотя неприкосновенность резерваций охраняется законом, в действительности еще продолжается расширение принадлежащей аборигенам земли, а минеральные богатства резерваций Арнемленда уже стали объектом эксплуатации со стороны крупных капиталистических компаний. В нашей памяти еще живы события 1972 года, когда перед зданием австралийского парламента в Канберре в течение нескольких месяцев стоял палаточный городок, получивший название «Посольство аборигенов». Аборигены требовали от правительства вернуть захваченную у них землю или выплатить за нее компенсацию.

И хотя большие и необратимые перемены несет аборигенам жизнь в современном индустриальном обществе, и дети их получают образование, а некоторые становятся специалистами в технике, медицине и других областях, аборигены, говоря словами П. Бринке, «до сих пор живут по законам и обычаям племени». Их собственная национальная культура, корни которой уходят в глубины тысячелетий, близка и дорога им. Даже в резервации, в изменившихся условиях жизни автор был свидетелем древних обрядов (англоавстралийцы, а вслед за ними и сами аборигены, и автор пашей книги без различия называют их теперь корробори, хотя последние — празднества неритуального характера). И эта приверженность традиционной культуре своего народа — одна из характерных особенностей поколения аборигенов. Оно не желает ассимиляции, не хочет смотреть на белого человека и его общество, полное противоречий и несправедливостей, как на идеальную модель, которой следует подражать. Своя самобытная культура — вот что делает современного аборигена, даже такого просвещенного человека и выдающегося общественного деятеля, как Филипп Робертс, героя уже знакомой советскому читателю документальной книги Д. Локвуда «Я — абориген», самим собою, коренным австралийцем, которым он хотел бы оставаться и в будущем, вот что объединяет его с братьями по крови. Не желая возврата к прошлому, аборигены хотят сохранить духовные ценности своей древней культуры. «Наследие это, передававшееся со времени сновидений из поколения в поколение, — неотъемлемая часть меня самого», — говорит Филипп Робертс.

«У австралийцев преобладает тотемистическая религия», — пишет Бринке. Тотемизм — не религия, а тотем — не объект поклонения. Точнее, тотемизм — это и одна из форм первобытного религиозного сознания, и в то же время явление социальное, оно связывает людей, представителей тотемического рода, в единый

коллектив и отделяет его от других тотемических родов. Тотемический род — не просто «группа людей, которые ведут свое происхождение от одного общего предка», как сказано в примечании С. Новотного. Это — группа людей, связанных мощными идеологическими узами и друг с другом, и с землей, на которой они живут, и со своим историческим прошлым. И понятно, что даже вполне современному аборигену нелегко отказаться от этих глубоких, священных уз. И ради чего отказываться? В окружающем его мире он не видит равноценной им замены.

В. Р. Кабо